УДК 1(091):172.1:329.12

Бейлин М. В.
доктор философских наук,
професор кафедры
гуманитарных наук
Харьковской
государственной академии
физической культуры

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ И.Б. ШАДА: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. Понятие «общественный договор» рассматривается как универсальный фактор рациональной легитимации во всех сферах общественной жизни, образующий вместе с зародышами Модерна новое либеральное мировоззрение, которое не мыслимо вне концепта справедливости как презентационного фона договорного потенциала обществ в целом и критерия социальности в частности.

Ключевые слова: либеральная доктрина, (нео)либерализм, ре-актуализация, ре-интерпретация, социум, справедливость, рациональная легитимация, общественный договор.

Анотація. Поняття «суспільний договір» розглядається як універсальний фактор раціональної легітимації у всіх сферах суспільного життя, який утворює разом з зародком Модерну нове ліберальне світогляд, якої не мислимо поза концепту справедливості як презентаційного фону договірного потенціалу товариств в цілому і критерію соціальності зокрема.

Ключові слова: ліберальна доктрина, (нео)лібералізм, ре-актуалізація, ре-інтерпретація, соціум, справедливість, раціональна легітимація, суспільний договір.

Summary. The concept of «social contract» is considered as a universal factor of rational legitimation in all spheres of public life, which forms, together with embryos of Modernity, a new liberal worldview that is not conceivable outside the concept of justice as a presentation background for the contractual potential of societies in general and the criterion of sociality in particular.

Keywords: liberal doctrine, (neo) liberalism, re-actualization, re-interpretation, society, justice, rational legitimation, social contract.

Постановка проблемы. В социально-философском и политическом дискурсах XXI в. становится возможной ре-актуализация статей договора «о вечном мире между государствами» (И. Кант) [3] и возникает необходимость «переоткрытия» проекта общественного договора в русле современных социальных потрясений в Украине и мире. Либеральный концепт И. Канта о «вечном мире» является необходимым условием «всеобщего желания людей жить в правовом устройстве на принципах свободы» [3, с.23]. Данное положение, несомненно, актуально и сейчас, поэтому анализ исходных маркеров-характеристик гражданского общества и различных теорий его реализации являются важными для критически мыслящего человека как субъекта права и социально ответственного гражданина государства.

С современным восстановлением примат государства вполне возобновился как «флаг дипломатии и стремления усилить власть» [1, с.8]. Государство не защищает больше национальные интересы и не приобретает влияние, проповедуя права человека, полагаясь на международные организации или пытаясь уделить в международной повестке дня большее внимание таким новым вызовам, как глобальное потепление, экологические проблемы и исчерпание сырьевых ресурсов. Поэтому «при новом глобальном устройстве Европа предстаёт как педантичный маяк постмодернизма, но скалу, на которой он стоит, медленно размывает неприязненное море у его подножия» [1, с.10]. Современный мир становится «единственной гигантской ареной, где борьба государства за влияние, а глухота преобладает над размышлениями» [1, с.11].

Основное содержание. В условиях политического, социально-экономического и духовного кризиса обращение к либеральным идеям ещё одного немецкого мыслителя, деятельность которого связана с Украиной – Иоганна Баптиста Шада, ориентированного на личность, её свободу и равенство, является, бесспорно, актуальным. Рецепции базовых социально-философских принципов немецкого мыслителя в отечественной философской мысли XIX – начала XX века даёт возможность более полно и взвешенно раскрыть этот феномен, проследить специфику

трансформации идей И. Шада на отечественной почве. Под идейным влиянием немецкой философии, прежде всего учения И. Шада, происходило становление украинской интеллигенции в университетах. Будучи независимым исследователем философии Канта и Фихте, И. Шад выражал глубокую привязанность и уважение к свободе и достоинства человека, и эта его позиция была во многом созвучна философии Г. Сковороды, хотя, в отличие от последнего, у И. Шада идея свободы имела более рационализированную форму.

И. Шад выступал резким противником любого насилия над свободой. Либеральный уклон в философии И. Шада во многом способствовал формированию идейной доктрины либерализма, а в дальнейшем стал одним из определяющих факторов развития социально-гуманитарной мысли. Распространение социальной теории, и в частности, теория нации И. Шада, а с ними заимствованный от немецких романтиков интерес к этнографии и фольклору, в значительной мере были обусловлены попытками сравняться с передовыми народами мира. Украинская интеллигенция осознавала, что присоединиться к чужой им цивилизации, в том числе и к имперской культуре, можно только путем принятия соответствующей культуры и особенно языка, при этом необходимо было сохранять собственную культурную самобытность.

Не меньшее значение имело восприятие национальных идей, сформированных в школах немецкой философской мысли, и, прежде всего, творчества И. Гердера, В. Гумбольдта и И. Фихте. В первой половине XIX в. на первый план в государственном национальном сознании выдвигается этнографизм вместо политического историзма, народничество вместо аристократической государственности. Путь от изучения жизни масс к их осознанию «просвещения» открывал широкие возможности для культурного творчества, для всего того, что создавало новые основания будущего возрождения государственной идеи [4, с. 207]. Для сохранения украинской идентичности актуальной была апелляция украинской интеллигенции к народу, что было закономерным ещё и потому, что построить новую Украину можно было, только опираясь на сельских священников, мелких землевладельцев, мещан, зажиточных крестьян казацкого происхождения и т.д.

Украинские землевладельцы и предприниматели были в то время во многом равнодушны к национальной идее, а их интерес к Украине был сосредоточен только в экономической и политической сферах. Анализируя коллизии украинского бытия в исторической ретроспективе, Н. Костомаров апеллирует к необходимости более полной реализации свободы. «Греки, – пишет Н. Костомаров – не познали истинной свободы, ибо хоть отреклись от царей земных, и не знали царя небесного и изобретали себе богов; и так царей у них не было, а боги были, тем они вполовину стали такими, какими были бы, если бы у них не было богов и знали бы небесного бога. Ибо хотя они много говорили о свободе, но свободны были не все, а только одна часть народа, прочие же были невольниками; и так, царей не было, а господа были…» [6]. Н. Костомаров, рассматривая феномен свободы, признает наличие её у древних греков. Такой вывод можно считать вполне резонным, между тем, когда речь идёт о свободе, как ключевой ценности либеральной доктрины, у нас нет оснований выводить её от античных времен, и тем более говорить о наличии индивидуальной свободы у древних греков.

Предлагая программу будущей славянской федерации, которая могла бы полностью соответствовать либеральным принципам, Н. Костомаров пишет: «звал всю Славянщину на свободу и братство, разошелся по миру славянскому» [6]. Он рассматривает свободу в единстве с равенством, что даёт основания утверждать, что его взгляды имели республиканско-демократическую окраску, и это вполне подтверждает специфика толкования мыслителем проблемы равенства. В данном контексте особое внимание привлекает следующее утверждение мыслителя: «А это еще большая ложь, будто бы бог постановил, чтоб одни господствовали и обогащались, а другие были в неволе и нищие, ибо этого б не было, [коль] скоро бы приняли евангелие; господа обязаны освободить рабов и сделаться их братьями, а богатые должны наделять нищих, и нищие стали бы также богатыми; так было бы, если б была в сердцах любовь христианская, ибо кто любит кого, тот желает, чтоб любимому также было хорошо, как и ему» [6].

Приведенное замечание, как ни одно другое, чётко проявляет приверженность Н. Костомарова теории социального равенства, в пределах которой человек получает общественных благ не столько, как сам зарабатывает, а равно столько, сколько их имеют другие члены его группы. В рамках такой концепции распределение

социальных благ приобретает уравнительный характер, а значение человека в обществе определяется не в соответствии с его личным трудовым вкладом, а в соответствии с общим социальным статусом той социальной группы, которую он представляет.

А. Смит, Б. Констанс, А. де Токвиль рассматривали равенство сквозь призму равноправия, которое устанавливается с помощью закона и направлено на то, чтобы гарантировать каждому человеку индивидуальные права и свободы. Понимая важнейшую роль экономики в общественной жизни людей, либералы выступали за широкое разделение труда, рыночную свободу и предпринимательскую инициативу. Иначе говоря, либералы, рассматривая проблему равенства, сосредотачивались не на равенстве конечного результата, а на возможности его реализации. Либералов интересовал не результат, а обеспечение возможности для каждого человека получать в соответствии с собственными способностями. Несомненно, такой подход в реальной жизни приводит к неравенству, становясь закономерным результатом того, что люди не равны в своих трудовых кондициях (физическая сила, умственные способности, образование, ответственность).

Социальная определённость просвещения, преимущественно дворянского сословия, привела к тому, что в конце XVIII – начале XIX в. мыслили не этническими, а исторически-правовыми категориями. Кажущееся родство таких базовых образовательных и либеральных ценностей как индивидуализм, эгалитаризм, прогрессизм не даёт возможности говорить об их мировоззренческом родстве с учетом специфики их толкования, поскольку Просвещение, в противовес либерализму, не было индивидуалистическим в измерении социальной атомизации. Просвещение постулировало идею эгалитаризма, в то время как либералы считали неравенство главным средством прогресса. В классическом либерализме свобода, а не равенство, рассматривалась как базовая ценность, которая обеспечивается, с одной стороны, благодаря представительной демократии, а с другой – средствами гражданского общества, которое даёт возможность освободить человека от опеки и влияния государственных институтов. Иначе говоря, либералы развивали принцип т. н. «негативной свободы».

Философия либерализма возникает как нормативный фон и легитимационная предпосылка либерального общества, начиная с анализа классических альтернатив в становлении доктрины

либерализма и теории общественного договора как сложных оппозиций «Гоббс – Локк/Руссо/Кант», обусловливающих отличные сценарии репрезентации доктрины даже в её классической, модернистской модели и завершая актуальным постклассическим сценарием неолиберализма (т.е. диссонансный диапазон либертинианство / меритократия / эгалитаризм) и постколониальных гибридных факторов общественного договора в свете геополитической фрагментации мира. Анализ общественного договора как легитимационного и нормативного мерила общества сквозь призму дискурса этической парадигмы трансцендентальной прагматики не сводится только к переоткрытию и ренессансу современного общественного договора [2]. Внутреннее воспроизведение его смысла находится в отношениях комплиментарности именно с коммуникативной практической философией через парадокс гипотетической безусловности (И. Кант) общественного договора. Соответственно, априорные договорные критерии общества путём интеллектуальной реконструкции соединяют на уровне смысла общественный договор с культурой и обществом как понимающими и логизирующими механизмами. При этом системные связи современной практической философии (в частности, политической) предстают как наиболее адекватные для объяснения природы и полифонической функциональности общественного договора.

Теория общественного договора имеет теоретико-методологические истоки в континентальных современных философии истории, политической философии и философии права, а её анализ может выполняться через модерную триаду «рабство / свобода / демократия», которая выступает культурно-цивилизационным и практическим фоном для возникновения политических течений государственного абсолютизма и либерализма и последующей рецепции идеи общественного договора как в континентальных демократических проектах Модерна, так и в современных нео- и постлиберальных концепциях. Именно такая логика оформления общественного договора как теории лучше всего представляет генезис, современное состояние и перспективы развития общественного договора в противоречивом полидискурсивном измерении. Плюральность и неоднозначность обновленного проекта общественного договора обусловлена именно его нелинейными версиями и поликонцептуальными смысловыми

доминантами. Социально-философский феномен («общественный договор»), который имеет надлежащую степень юридизации благодаря его высокому легитимационному потенциалу и прочное существование в нарративах философии, с большей легкостью поддается анализу в терминах либеральной и неолиберальной теории (исследованию его истоков, респонсивности, коммуникативной открытости, постклассического смещения смысла и аисторичности).

Либеральная мысль XIX в. характеризовалась стремлением совместить свободу и равенство, в результате чего сформировался новый тип «демократического либерализма». Его теоретики чётко осознавали, что демократизация общественных отношений приводит к появлению новых форм порабощения индивида, а потому искали такие общественно-политические механизмы, которые обеспечат максимальную свободу личности. Главным средством решения этих проблем могло стать только развитие гражданского общества, которое, разрушая единственную линию идентификации, снижало риск формирования «общей воли». В отличие от Европы, где становление либеральной доктрины стало результатом закономерного развития европейского общества в направлении эмансипации индивида, в Российской империи эта тенденция сформировалась вследствие остро вызревшей потребности в коренном реформировании общественных отношений, которая сформировалась под влиянием идей Просвещения. Либеральные интенции во внутренней политике Российской империи начинаются в царствование Екатерины II, которая, увлекшись концептом «Просвещенного абсолютизма», начала реформы, направленные на либерализацию общественного бытия, которые, однако, проводились крайне избирательно и ситуативно, так и не обусловив коренной трансформации политического строя.

В результате либеральных реформ Екатерины II сформировались основы для развития либерализма, социальной базой которого стало дворянство, которому императрица предоставила широкие гражданские права и право собственности на землю. Следует отметить, что начатая Екатериной II либерализация общественного бытия имела достаточно амбивалентное значение для развития национального движения, поскольку, с одной стороны, разрушила остатки политической отдельности украинского народа, а с другой – открыла путь для проникновения в общественное

сознание привилегированных слоёв населения идей либерализма, тем самым сформировав социокультурные устои зарождения новой ведущей силы, стоящей из представителей «третьего сословия», которые, постепенно знакомясь с идеалами и ценностями западноевропейской цивилизации, заложили фундамент новой волны национального возрождения.

Этнически сознательное украинское дворянство, которое именно в период правления Екатерины II в начало активную деятельность, направленную на обоснование права украинского на автономию, не имело либеральных интенций. Украинская казацкая шляхта, выдвигая политические требования, апеллировала к прошлому и не имела космополитических интенций, что противоречило базовым интенциям классического либерализма. Маргинализация базовых принципов либерализма в украинском общественно-политическом сознании первой половины XIX в. была обусловлена спецификой социокультурного бытия народа. Украинская культура постепенно исчезала под натиском цивилизационных изменений, что способствовало активизации этнического сознания, представленного в образе «Мы» и возникшего на основе целого комплекса объективных признаков, на фоне которых формировалось чувство интуитивного и неизменного единства сообщества, в котором размывался конкретный человек. Присущий украинской ментальности индивидуализм ориентирован на внутренний мир человека и имеет мало общего с ориентациями на будущее, что противоречит базовым принципам либерализма.

Выводы. Украинский интеллектуальный дискурс первой половины XIX в., обосновав этническую самобытность украинского народа и его право на политическое самоопределение, не сумел актуализировать проблемы отдельной личности, ценность которой определялась через призму национальной общности, что, в свою очередь, тормозило утверждение в общественном сознании учения о самоценности человека. Для национализма, и особенно его этнической разновидности, свобода нации всегда выступает более ценной, чем свобода отдельной личности, что и породило противоречие между национализмом и либерализмом, которое просматривается в украинской общественно-политической мысли от начала XIX в. до наших дней.

Список использованных источников:

1. Голслах Й. Сила раю. Як Європа може бути попереду в азійському сторіччі / пер. з англ. П. Таращука. Київ : Темпора, 2016. 354 с.

2. Городницький А. В. Стратегічні перспективи суспільного договору крізь призму ре-контекстуалізації проекту засобами практичної філософії // Гілея. Історичні науки. Філософські науки. Політичні науки : наук. Вісник : зб. наук. пр. / М-во освіти і науки України, нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. Київ, 2017. Вип. 122. С. 263-266.

3. Кант И. К вечному миру // Собрание сочинений в восьми томах / пер. с нем., под общей ред. А. В. Гулыги. Т. 7. Москва : ЧОРО, 1994. 45 с.

4. Лисяк-Рудницький І. Каразин і початки українського національного відродження / І. Лисяк-Рудницький // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе :в 2 т / [пер. з англ. М. Базік, У. Гавришків, Я. Грицака та ін.]. – Т.1. – К.: Основи, 1994. – С. 203-220.

5. Семчишин М. Тисяча років української культури : іст. огляд культур. процесу / Мирослав Семчишин. – Нью-Йорк [та ін. : б. в.], 1985. – 550 с.

6. Список «Книги буття українського народу» М.І. Костомарова, що був вилучений у М.І.Гулака під час обшуку в Олексіївському равеліні 2 квітня 1847 р. [Електронний ресурс] / М. Костомаров. – Режим доступу:

http://litopys.org.ua/rizne/kmt02.htm.2. Ulrich Johannes Schneider (Hg.), Seine Welt wissen. Enzyklopädien in der Frühen Neuzeit. – Darmstadt: Primus Verlag, 2006. – 256 S.